

«О, сеятель, приди!...»

Поэма разрасталась. Вслед за «Крестьянкой», вероятно, должна была следовать глава о чиновнике («Смертушка»), для которой поэт продолжал делать «заготовки» вплоть до 1876 года. Есть основания полагать, что и дальнейшее сюжетное движение поэмы в творческом сознании автора вырисовывалось довольно четко. После встречи с чиновником на Шексне-реке странники идут в направлении Петербурга. Видимо, где-то они пересекают железную дорогу (запись: «Катастрофа на железной дороге, которой свидетелями были странники; или голова на рельсах» (III, 650)). Где-то близ Петербурга, участвуя в качестве загонщиков в царской охоте, они встречаются с царем («Встреча с царской охотой и пребывание в облове»):

Глядели, любовались
И с умилением думали
«Дойдем и до тебя!» (III, 646)

В Петербурге ищут мужики доступа

К вельможному боярину
Министру государеву...

Петербургскими эпизодами, видимо, и должна была завершиться поэма.

Но это лишь планы и наброски. Значительная часть их относится, видимо, к тому времени, когда поэт писал или заканчивал главу «Пир на весь мир». А между написанной в 1873 году «Крестьянкой» и главой «Пир» (1876) лежат три года. Чем же объяснить второй столь продолжительный перерыв в работе автора над поэмой? Некрасов не оставил нам свидетельств на этот счет, но изучение вопроса приводит нас к следующим выводам.

Значительная часть поэмы была уже написана, и своевременным становился для автора вопрос об ее идейном финале.

С мучительными поисками последнего и связан, думается, трехлетний перерыв в работе над «Кому на Руси...». В чем счастье человека, кто может в условиях русской действительности чувствовать себя счастливым и где лежит дорога к народному благоденствию — на эти, поднятые в поэме и глубоко волновавшие современников вопросы нужно было дать по-некрасовски ясный ответ.

Был ли ясен не сюжетный, а идейный финал эпопеи ее автору? «Начиная, — признавался он, — я не видел ясно, где ее конец, но теперь у меня все сложилось...»¹ «Теперь» — это в 1876 году. Но путь к формуле «все сложилось» был мучителен и занял три года.

До седин пронес поэт «жгучее святое беспокойство» «за жребий» своего народа («Уныние», 1874). Он верил в народ, провидел в его будущем начало «иных времен, иных картин», когда «освобожденный от оков народ неутомимый» будет жить радостной трудовой жизнью («Горе старого Наума», 1874). Но в то же время поэт наблюдал факт равнодушия крестьянской массы к революционной проповеди народников, безмолвие мужицкой Руси, недостаточно высокий уровень социального сознания крестьян, и все это порой приводило поэта в отчаяние, рождало сомнения, вызывало в душе его бесконечную горечь и скорбь. Так, в стихотворении «Уныние» Некрасов, рисуя «тоску и скорбь спопутных деревень», восклицает:

Уныние — в душе моей усталой,
Уныние — куда ни погляжу (II, 369).

Даже в программном стихотворении «Элегия» (1874), полном гражданского пафоса служения «народу своему», прорываются ноты тоски и скорби, ибо народ — тот,

Кому посвящены мечтания поэта, —
Увы! не внемлет он — и не дает ответа... (II, 393)

Вероятно, в минуту глухого отчаяния, безмерной душевной усталости и безнадежности и сорвался с уст Некрасова горько-иронический ответ писателю Шкляревскому относительно финала поэмы.

«Меня очень интересовала, — вспоминал Л. Шкляревский, — известная поэма Николая Алексеевича „Кому на Руси жить хорошо“, и я решил заговорить о ней.

¹ Лит. наследство. М., 1946. Т. 49—50. С. 204.

— А кому Вы полагаете? — спросил он меня.

— Да, полагаю, Николай Алексеевич, — сказал я вульгарно, — что лучшего житья никому нет, как лакеям всех сортов и видов, старого и нового времени.

— Иронический вы человек, как сказал Ф. М. Достоевский, — заметил, улыбаясь, Некрасов, — но лакеям жить хорошо не на одной только нашей матушке Руси, а везде и повсюду. Порою и им крепко достаётся. Так что, если порасудить, то на белом свете не хорошо жить никому...²

Трудно из ответа Некрасова сделать вывод о том, как он действительно представлял себе конец поэмы. Шкляревский не был близким ему человеком, и, видя в нем лишь любопытного читателя, поэт мог быть не расположен делиться своими творческими планами. Но то, что сказанные Шкляревскому слова не были просто случайно брошенной репликой, забытой через минуту, подтверждается свидетельством Глеба Успенского.

В № 2 журнала «Пчела» за 1878 год среди откликов на смерть Некрасова было помещено письмо Г. И. Успенского в редакцию этого журнала. Успенский сообщает, что ему дважды приходилось беседовать о поэме «Кому на Руси...» с ее автором. «Однажды, — пишет Г. Успенский, — я спросил его:

— А каков будет конец „Кому на Руси жить хорошо“?

— А вы как думаете?

Н. А. улыбнулся и ждал.

Эта улыбка дала мне понять, что у Н. А. есть на мой вопрос какой-то непредвиденный ответ, и чтобы вызвать его, я неудачу назвал одного из поименованных в начале поэмы счастливцев.

— Этому? — спросил я.

— Ну вот! Какое там счастье!

И Н. А. немногими, но яркими чертами обрисовал бесчисленные черные минуты и призрачные радости названного мной счастливца.

— Так кому же? — переспросил я.

И тогда Н. А., вновь улыбнувшись, произнес с расстановкой:

— Пья-но-му!

Затем он рассказал, как именно предполагал окончить поэму. Не найдя на Руси счастливого, странствующие мужики воз-

² Шкляревский Л. Из воспоминаний о Н. А. Некрасове // Нева. 1880. № 48. С. 773—774.

вращаются к своим деревням: Горелову, Неелову и т. д. Деревни эти „смежны“, стоят близко друг от друга, и от каждой идет тропинка к кабаку. Вот у этого-то кабака встречаются они спившегося с круга человека, „подпоясанного лычком“, и с ним, за чарочкой, узнают, кому жить хорошо».³

Достаточно знать отношение Некрасова к Г. Успенскому, чтобы исключить всякую мысль о возможной мистификации со стороны поэта. Да и обстоятельность рассказа говорит о продуманности изложенного сюжетного финала, о том, что на каком-то этапе работы над поэмой Некрасов намерен был закончить ее именно так. Но на каком? Когда происходил этот разговор с Успенским? Никакими данными для точной датировки его мы не располагаем. Но, исходя из фактов биографии Г. Успенского и характера его отношений с Некрасовым, можно почти с уверенностью сказать, что это было в начале 70-х годов, скорее всего в 1874 году, после знакомства Успенского с «Последышем» и «Крестьянкой». Эта дата поддается и известной близостью плана, изложенного Успенскому, к ответу Некрасова на вопрос Шкляревского (февраль 1875).

План завершения поэмы, о котором говорит Г. Успенский, по-своему любопытен и полон драматизма. Признать счастливым на Руси лишь человека, оглушившего себя алкоголем, — значило вынести беспощадный приговор всей страшной российской действительности, невыносимым условиям жизни русского человека. Но при всем драматизме подобный финал был безнадежно пессимистичен, он не соответствовал намерению автора создать книгу, полезную для народа, противоречил основной мысли и тону поэмы, особенно ее последних глав, сводил на нет ту высокую функцию воспитания народного сознания, которую поэма осуществляла. Величие Некрасова проявилось именно в том, что он не удовлетворился скептическим финалом «пьяного счастья» и придал движению поэмы иное, полное высокого социального и нравственного пафоса направление.⁴ Преодолеть настроения безнадежности

³ Успенский Г. Кому на Руси жить хорошо. Письмо в редакцию // Пчела. 1878. № 2.

⁴ Из сообщения Г. Успенского (см. примеч. 3) некоторые исследователи (В. Т. Плехотишина, А. М. Гаркави) сделали неверный вывод о том, что якобы Некрасов с самого начала работы над поэмой собирался закончить ее встречей мужиков с пьяным. Подобное утверждение проникло и в школьные учебники. Против этой необоснованной трактовки справедливо выступил М. В. Теплинский (Теплин-

и найти более глубокий и исторически нужный ответ на поставленные в эпосе вопросы помогла Некрасову сама действительность.

Одной из центральных проблем русской литературы XIX века была проблема положительного героя. Решение этой проблемы в творчестве того или иного писателя, т. е. ответ его на вопрос, какой тип человека, какой тип общественного деятеля нужен, необходим современности, кто скажет всемогущее слово «вперед!» и укажет туда верную дорогу, — было тесно связано с мировоззренческой позицией этого писателя и его местом в общественном движении эпохи. Н. А. Некрасов начиная с середины 50-х годов неизменно решал эту проблему с позиций революционного демократизма. Для него положительным героем эпохи, а следовательно, и литературы мог быть только деятель, связавший себя с освободительной борьбой народа. Черты деятеля такого типа увидел Некрасов еще в конце 40-х годов в личности В. Г. Белинского. В середине 50-х годов, рисуя образ положительного героя времени, Некрасов пишет стихотворение «Памяти приятеля» (1853) и поэму «Белинский» (1855). В Белинском, человеке и борце, поэта привлекают страстность души, кипение высоких помыслов, действенность, энергия, непримиримость к злу и его защитникам, открытость и гуманизм.

Идя в дальнейшем от конкретных фактов к широкому художественному обобщению, от литературного портрета к литературному типу, Некрасов центральным героем поэмы «Несчастные» (1856) делает политического ссыльного, революционера Крота. Работая над образом Крота, автор творчески соединяет в нем отдельные черты идейно-психологического облика Белинского с трагической судьбой многих русских революционеров. Некрасов видел, что для истинного революционера «судьба» (т. е. условия общественной жизни) готовила два исхода: преждевременную смерть от чахотки («Белинский») или репрессии со стороны правительства («Перед дождем»). В сюжете поэмы «Несчастные» соединены два возможных трагических финала: «народный заступник» Крот умирает на каторге от чахотки. Сюжетная ситуация подчеркивает типичность и образа, и судьбы героя-революционера.

ский М. В. О предполагаемом финале поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // О Некрасове. Статьи и материалы. Ярославль, 1971. Вып. 3. С. 183—190). Однако с категорическим утверждением автора, что ответ Некрасова Успенскому был только горькой шуткой, согласиться нельзя.

Некрасов отдает себе отчет в неизбежности революционных жертв, воспекает величие этого подвига и призывает к нему:

Иди и гибни безупречно...
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...
.....Хоть мало,
И среди нас судьба являла
Достойных граждан... Знаешь ты
Их участь?.. Преклони колени!

(«Поэт и гражданин», 1856 — II, 11 и 13).

В середине 60-х годов поэт делает еще одну попытку нарисовать образ положительного героя-революционера. Это стихотворение «Памяти Добролюбова» (1864). Не следует забывать, что автор стремился не к портретной точности, а «старался выразить тот идеал общественного деятеля, который одно время лелеял Добролюбов» (II, 679), перед которым преклонялся сам поэт.

Исследователи неоднократно отмечали, что образ Добролюбова в стихотворении раскрыт как образ «особенного человека». Об «особенных людях», о Рахметовых, Чернышевский писал, что они в жизни — «теин в чаю, букет в благородном вине, от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли».⁵ Через год Некрасов, повторяя мысль Чернышевского, скажет:

Природа-мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни!.. (II, 200)

Образ положительного героя в поэзии Некрасова 50—60-х годов предстает как образ борца и заступника народного, притом поэт верит, что сама народная среда выдвинет людей, которые возглавят движение массы в борьбе «с неправдою лукавою». Именно таков смысл «Песни Еремушке» (1858), в которой «проезжий» обращается к крестьянскому ребенку со словами революционного пророчества:

Над неправдою лукавою
Грянешь божьей грозой... (Там же, 58).

Восторженное отношение поэта к людям, вставшим на путь революционного подвижничества, неотделимо от его многолетних размышлений над смыслом человеческой жизни, нрав-

⁵ Чернышевский Н. Г. Что делать? М., 1947. С. 278.

ственным сгедо человеческой личности, над вопросом о том, как нужно жить, по какому пути идти. Эти размышления, результатом которых стало убеждение, что высшее счастье и назначение человека состоит в том, чтобы «спешить на помощь другим», нашли, как мы помним, в начале 60-х годов художественную реализацию в замысле поэмы «Кому на Руси...», в постановке ее стержневого вопроса.

Но из характера избранного Некрасовым сюжета эпопеи, предельно обнажавшего этические основы жизни и представлений попа, помещика, чиновника, царя, не вытекало необходимости персонификации в конкретном художественном образе позитивных представлений поэта о содержании понятия «человеческое счастье». Это авторское представление неизменно присутствует в поэме, оказывая воздействие и на мужиков-правдоискателей, и на читателя, но присутствует лишь как своеобразная точка отсчета, эталон, необходимый для оценки поповского и помещичьего «счастья».

Мы помним, что на первом этапе работы над эпопеей (1863—1865 годы) Некрасов стремился прежде всего исследовать особенности социального, нравственного и психологического облика русского крестьянства (главы «Сельская ярмонка», «Пьяная ночь», «Счастливые»).

Семидесятые годы наложили свою печать на первоначальное сюжетно-композиционное движение поэмы, заставив Некрасова на первый план выдвинуть вопрос о ПУТИ к НАРОДНОМУ БЛАГУ (главы «Последыш» и «Крестьянка»). На поиски этого пути встал не один Некрасов, а целое поколение революционных борцов. Середина 70-х годов известна как время активного развития революционного народничества, время «хождения в народ», время «второго демократического подъема» в стране. Россия опять оказалась на пороге революции, и жизнь вновь поставила вопрос о типе руководителей, способных разбудить народ и указать ему путь к «Избыткову селу».

Где тот герой, кто ведет из тьмы
Тебя на свет? («Уныние», 1874. II, 369) —

спрашивал, обращаясь к народу, и Некрасов.

В поисках ответа он пристально присматривался к новому поколению революционной молодежи. «С глубоким сочувствием поэт следил за попытками народнической интеллигенции сблизиться с народными массами, за их „хождением в на-

род“, за упорной борьбой, которую они вели с царской полицией и жандармами».⁶

Некрасов был свидетелем, притом небезучастным свидетелем, многочисленных политических процессов над народниками-агитаторами: долгушинцами в 1874-м, дяковцами в 1875 году и др. «Отечественные записки» были своего рода идейным штабом революционного народничества, с одним из его теоретиков, Н. К. Михайловским, Некрасов был связан журнальными и литературными интересами. Совершенно ясно, что «Некрасов испытывал на себе воздействие всего народнического движения эпохи».⁷

Пусть многие догматы теоретического арсенала народничества остались поэту чужды, но его и народников 70-х годов «объединял глубокий и искренний демократизм, любовь к народу, мужику, защита интересов... нищего крестьянства».⁸

Некрасов видел героическую борьбу народнической интеллигенции, восхищался ее способностью жертвовать собой во имя освобождения народа. И трагедия «хождения в народ», неудача его, репрессии, обрушившиеся на народников, еще более подчеркивали для Некрасова красоту их нравственного подвижничества. Когда в 1876 году, после трехлетнего перерыва в работе над «Кому на Руси...», заполненного мучительными поисками ее финала, в самый разгар трагедии народничества, смертельно больной поэт возвращается к эпосе, имея в виду какое-то ее идейное завершение, он, отбросив бесперспективный финал «пьяного счастья», решает дать позитивный ответ на поставленный в поэме вопрос.

В главах о попе, чиновнике, помещике автор на вопрос, при каких условиях человек может и имеет право чувствовать себя счастливым, давал ответ в негативной форме. Теперь у него возникает мысль паразитическим идеалам счастья «существователей» противопоставить более высокое понимание человеком смысла, цели и счастья жизни, ввести в поэму образ положительного героя, носителя этих нравственных критериев истинно счастливого человека. Новая глава получила название «Пир на весь мир».⁹

⁶ Козьмин Б. Великий поэт революции // Лит. наследство. М., 1946. Т. 49-50. С. XI.

⁷ Гин М. Об отношениях Некрасова с народничеством 70-х гг. // Вопр. лит. 1960. № 9. С. 118.

⁸ Там же. С. 114.

⁹ Следует сказать, что это новое творческое решение приходит не сразу. В первоначальных набросках «Пира...» слышны еще отголоски прежнего намере-

Можно было ожидать, что новая глава «Пир на весь мир» будет логически следовать за главой «Крестьянка». Однако происходит нечто неожиданное. Автор ломает прежний композиционный строй поэмы и, сознательно разрывая две хронологически одна за другой следовавшие главы «Последыш» и «Крестьянка», вклинивает между ними новую («Пир на весь мир»), связав ее временем и местом действия (ночь после смерти Последыша, деревня Большие Вахлаки) с «Последышем» и дважды сделав к ней примечание о том, что новая глава «Пир...» должна следовать непосредственно за главой «Последыш». К сожалению, Некрасов не определил при этом место уже напечатанной главы «Крестьянка»...

Что же заставило Некрасова в 1876 году, когда в связи с болезнью у него уже не было надежды довести эпопею до конца, сломать прежний порядок последовательности (часть I, «Последыш», «Крестьянка») ее глав?

Рассматривая новую главу поэмы как свое идейное завещание, поэт в очень острый момент развития освободительного движения в стране считает своим долгом высказать СВОЙ взгляд по вопросу о путях «воплощения счастья народного». Дело в том, что к 1876 году стал ясен провал того «хождения в народ», за которым с таким интересом и сочувствием следил Некрасов. Интеллигенты-народники не нашли общего языка с крестьянами, не были ими поняты, и, осмысляя причины неудачи, «демократическая интеллигенция обсуждала вопрос о переходе от „летучей“, „бродячей“ пропаганды к пропаганде „оседлой“... Образом Гриши Некрасов как бы включается в споры о формах и методах пропаганды в деревне, которые велись в это время».¹⁰

Некрасов до последних дней своих верил («Мечты, я верую в народ»), что русский народ

Вынесет все — и широкою, ясную
Грудью проложит дорогу себе...,

но в то же время он понимал необходимость руководства стихийным крестьянским движением.

ния, о чем говорит скептическая реплика вахлаков: «Нет на Руси счастливого, / Да и не может быть». См. об этом: *Червяковский С. А.* Из творческой работы Некрасова над поэмой «Кому на Руси жить хорошо» // *О Некрасове.* Ярославль, 1958. С. 70.

¹⁰ *Гилл М.* От факта к образу и сюжету. М., 1971. С. 110.

Неудача «хождения в народ» еще больше укрепила уверенность Некрасова в том, что успех «дела» определяется настроением самой массы и направить эти настроения не могут внешние, извне идущие воздействия. С точки зрения Некрасова, сама народная среда должна выдвинуть и выдвигает тех, кто поможет крестьянской массе осмыслить ее стремления и направить их. Положительный герой мыслился поэтом не только как деятель во имя народа, но и как личность, кровно связанная с народной массой и ею порожденная. Это и стремился подчеркнуть Некрасов в новой части поэмы. Сюжетная ситуация главы «Последыш»: темная, безграмотная вахлачина, большой народный коллектив, постановка в главе вопроса о народном благоденствии — все это, с точки зрения автора, представляло большое удобство для изображения того, как из самой народной среды выходят люди, формирующие ее сознание; удобство для изображения героя в родной для него стихии. По этой-то причине автор и развертывает действие новой главы в известной уже читателю деревне Большие Вахлаки.

При анализе главы «Пир на весь мир», очень важной в смысловом плане, мы сталкиваемся с рядом трудностей. Создавалась она автором в 1876 году, в период его предсмертной болезни, частично в промежутки между приступами страшных болей, и Некрасов заботился уже не столько о том, чтобы новая глава по своему художественному строю была полностью идентична основному массиву эпоса, сколько о том, чтобы сказать читателю свое последнее слово. В результате — все нарастающая лирическая взволнованность, усиление авторского голоса и частичное отступление от тех художественных принципов эпического повествования, которые характеризуют все предшествовавшие главы.

При чтении «Пира...» нельзя не заметить, что в этой главе поэмы наряду с гениальными поэтическими взлетами (сказы «О холопе примерном...», «О Глебе-старосте», «О двух великих грешниках», песни «Веселая», «Голодная», «Средь мира дольного...», «Русь») встречаются поэтические срывы, вялые, неудачные строки, типа «Удалась мне песенка / Молвил Гриша, прыгая...».

Есть основания полагать, что значительная часть текстов, вошедших в главу «Пир...», создавалась Некрасовым раньше

1876 года. Так, документально подтверждается, что сказ «О холопе примерном...» он писал в 1873—1874 годах. А. Ф. Кони свидетельствует, что Некрасов в эти годы активно искал материалы об ужасах крепостничества. Возможно, уже тогда привлекли его внимание фольклорные сказы о двух великих грешниках и Кудеяре. Активная же работа над всем массивом «Пира...» падает на 1876 год, и последняя ее часть, связанная с Гришей Добросклоновым, писалась рукой уже смертельно больного человека. Поэту было необычайно важно успеть и увидеть «Пир...» напечатанным.

Но цензура — эта, по выражению Некрасова, «австрийская собака» — набросилась на последнюю главу поэмы с невероятной яростью. Текст «Пира...» был вырезан из ноябрьского номера «Отечественных записок», почти все оттиски уничтожены. Затем, несмотря на авторские переделки и смягчения, вторично вырезан из декабрьского номера журнала за тот же год.

Поэт сделал еще одну героическую попытку опубликовать хотя бы часть главы «Пир...» под названием «Доброе время — добрые песни» в сборнике своих стихов, но, увы, ни уговоры, ни хлопоты не помогли, и Некрасову не удалось при жизни увидеть свое детище в печати. Лишь в февральской книге «Отечественных записок» за 1881 год благодаря хлопотам Салтыкова-Щедрина «Пир...» был напечатан, но в крайне искаженном цензурой виде.¹¹

Уже в наше время современные текстологи при подготовке к изданию эпопеи Некрасова сталкиваются с большими трудностями. Дело в том, что мы не располагаем окончательным авторизованным текстом «Пира...». Имеющиеся рукописи главы отражают разные этапы работы автора над ней. Надо помнить, что на этих рукописях лежит печать автоцензуры, т. е. авторских исправлений и сокращений с оглядкой на цензуру, и параллельно — печать авторской идейно-художественной правки, притом подчас трудно решить, где действовали побуждения первого, где — второго порядка. И текстологи, готовя главу «Пир...» к печати, вынуждены становиться на путь контаминации, восполнения пробелов одной рукописи за счет других.

¹¹Цензурная история «Пира...» была впервые исследована В. Е. Евгеньевым-Максимовым (*Евгеньев-Максимов В. Е.* В руках у палачей слова // Голос минувшего. 1918. № 4—6). Основные факты ее учтены К. И. Чуковским в комментариях к т. III. Поли. собр. соч. и писем Н. А. Некрасова.

Таким образом, вопрос о каноническом тексте «Пира...» трудно решаем, и ученые до сих пор спорят о правомерности или неправомерности введения в текст главы того или иного оставшегося в рукописях поэта фрагмента.

Так, например, К. И. Чуковский «ввел в оборот» четверостишие

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника.
Чахотку и Сибирь (III, 386),

вычеркнутое в рукописи рукой автора. А почему вычеркнутое — этого мы не знаем.

При подготовке в 1982 году текста поэмы для 15-томного академического издания Полного собрания сочинений и писем Некрасова за основу для текста «Пира...» был принят оттиск ноябрьского номера «Отечественных записок», но и он восполнялся за счет других рукописей главы.

Таким образом, вопрос о каноническом тексте «Пира...» очень сложен, но на данный момент эталоном считается вариант академического издания.

Может быть, и не следовало особенно касаться этих текстологических проблем, но у массового читателя могут вызвать недоумение разночтения в различных изданиях «Кому на Руси...».

Еще один текстологический момент. В издании стихотворений Н. А. Некрасова 1879 года, которое курировала А. А. Буткевич, глава «Пир...» имеет подзаголовки: «Вступление», «Горькое время — горькие песни», «Странники и богомольцы», «И старое и новое», «Доброе время — добрые песни». Откуда они появились? В рукописях поэта их нет. Достоверно только одно: Некрасов пытался издать фрагмент главы, дав ему название «Доброе время — добрые песни». Есть основания предполагать, что подзаголовки эти «вписаны» А. А. Буткевич либо по устному указанию Некрасова, либо по ее собственной инициативе. К. И. Чуковский сохранил эти подзаголовки в т. III 12-томника.

В т. V академического издания этих подзаголовков в главе «Пир...», естественно, нет. Они безусловно помогают разобраться в структуре «Пира...», но право ими пользоваться документально пока не доказано.

Композиционно «Пир...» представляет собой сложную мозаику бытовых сцен, сказов, песен и авторских лирических отступлений, но в этой «мозаике», несомненно, просматривается движение от старого к новому. Жизнь современного крестьянства предстает здесь в их диалектическом единстве и противостоянии. Нищета крестьянина, его темнота и заботность — все это, столь характерное для дореформенной деревни, сохранилось и в 70-е годы и воспринималось Некрасовым как проклятое наследие старого. Новым же, порожденным условиями эпохи реформ, было для Некрасова то пробуждение социальной активности и самосознания крестьянства, то стремление народа осмыслить причины своего бедственного положения, на последовательном выявлении которого строится завязка и внутреннее движение поэмы.

В этой финальной главе обличительный пафос всей поэмы получает особую концентрированность. В ней рисуется страшная картина крепостного произвола прошлого, разоблачается грабительский характер реформы, оставившей «освобожденное» крестьянство в состоянии нищеты и бесправия, еще более беспощадным становится суд над помещиками, утверждается право народа на борьбу за лучшую долю.

Вступление сюжетно, временем, местом действия и единством персонажей увязывает главу с предшествующим ей «Последышем». «Под старой-старой ивою», «в конце села Вахлячина», «в ночь смерти князя старого» идет «пир, великий пир!». Это обрадованные вахляки собрались обсудить, как им быть с поемными лугами... Они еще не знают,

Что не луга поемные,
А тяжбу наживут,

и, считая себя освободившимися от тягостной «камеди», инсценировки крепостнических порядков, справляют «поминки по крепям». Среди собравшихся знакомые нам по главе «Последыш» староста Влас и Клим Лавин.

Образ Власа и в этой главе раскрывается как образ человека, много выстрадавшего («Не столько в Белокаменной...») и всей душой болеющего за интересы своих односельчан. Надежда на получение «поемных лугов», на жизнь «без барщины, без подати, без палки» у хмурого и давно потерявшего веру в добро Власа вызывает светлую, словно солнечный луч, улыбку...

Образ Климса в главе «Пир...» приобретает ббольшую отчетливость. Он и здесь не обходится без балаганства в духе пого-

ворки «Табак да баня, кабак да баба — только и надо», но его внутреннее единство с вахлаками проявляется в действиях: именно он вступает в драку с купеческим братом Ереминым, скупающим у крестьян в трудную минуту за бесценок «что ни попало», он первый начинает экзекуцию предателя Егорки Шутова, именно он организует сбор денег в пользу несчастного солдата — инвалида Овсянникова и произносит целую пропагандистскую речь, в которой говорит о страданиях и обездоленности этого героя севастопольской обороны.

Под старой ивою, в густой толпе вахлаков появляются и новые персонажи: купчик Еремин, степенный проезжий мужик Игнатий Прохоров, хлебопашец из дворовых — Викентий Александрович, странствующий богомол Ионушка, местный дьячок Трифон Добросклонов и два его сына — Григорий и Савва, солдат Овсянников с племянницей Устиньюшкой.

Образы странников, присутствующих здесь, как-то сливаются с этим пестрым народным коллективом. Если в «Прологе» и всех главах до «Пира...» именно образы семи мужиков олицетворяли пробужденное народное сознание, были носителями активного начала, то в главе «Пир...» эта активность мысли, напряженная работа сознания характеризует весь коллектив, всех собравшихся под старой ивою мужиков.

Психологически возбужденное состояние вахлаков, задумавшихся над вопросом своего будущего, является мотивировкой возникновения споров и рассказов о временах крепостного права, о правде, грехе, путях его искупления... Всей главе Некрасов первоначально собирался дать название «Кто на Руси всех грешней? Кто из всех святей? Легенды о крепостном праве».

Массовые сцены и диалоги чередуются с рассказами и песнями, притом среди многих голосов собравшихся на «пир» мужиков все более и более отчетливо слышится еще один голос — голос автора. В первых главах поэмы-эпопеи все изображенное было как бы преломлено через восприятие странников-правдоискателей, авторское видение мира почти полностью сливалось с их видением, эпическое начало было ведущим и основным, и лишь иногда эта эпическая стихия разрывалась лирическим всплеском типа авторского размышления-мечты «Эх! эх! придет ли времечко...». В «Пире...», этой «последней песне», идейном завещании умирающего поэта, авторское, лирическое начало на равных правах соседствует с эпическим, автор-повествователь отделяется от мужиков-правдо-

искателей, обретает большую активность, давая читателю возможность знать и видеть то, что осталось за пределами наблюдений и понимания мужиков.

Именно это авторское начало, проявляя себя не только в авторских пояснениях и лирических отступлениях, но и в строго продуманном отборе и компоновке материала, делает пеструю мозаику сказов, жанровых сцен и песен последовательным размышлением о судьбах народных.

Горькое время — горькие песни. В песне Некрасов всегда видел одно из лучших свидетельств дум и чувств народа, состояния и тона народного жизни. Горькое время рождает горькие песни. Естественно, что у вахлаков, справляющих «поминки по крепям», разговор прежде всего возникает о недавнем прошлом, о временах крепостного права, поются песни, рассказываются истории на эту тему. Создается впечатление, что Некрасов термином «горькое время» обозначает и обличает только дореформенные порядки. Но это лишь один из приемов некрасовского эзоповского письма, ибо речь идет и о горькой жизни современной поэту пореформенной деревни. Ведь с первых же строк главы бросается в глаза противоречие между названием «Пир на весь мир» и унылостью исполняемых на нем песен. Убого это крестьянское торжество: призрачна радость вахлаков, спугнуть ее так же легко, «как пенку с браги сдуть»; даже в момент радости поются унылые, «протяжные, печальные» («иных покуда нет») песни, а раз унылы песни — значит, безрадостна и тягостна жизнь.

Главка открывается двумя песнями о крепостном праве. В «Веселой», с ее ироническим названием и рефреном «Славно жить народу / На Руси святой!», с такой же четкостью, как и в монологе Якима Нагого, названы виновники горькой доли мужика: помещик, чиновник, царь. Последнюю мужицкую коровенку «для приплоду» увели на барский двор, Катерина — старшая дочь и надежда матери — в дворне; с земским судом не шути — оберет догола; а сыновей, «опору милую стареющих отцов» (Пушкин), ждет царская служба. На такую четкость социального мышления не всегда еще способен мужик, особенно темный вахлак. Не случайно поэтому указывается, что песня эта «не народная», т. е. сложенная не самими мужиками. Ее спел вахлакам Гриша Добросклонов. Вахлацкая же неразвитость проявилась в том, что, не поняв глубокой иронии, вахлаки ее не в шутку называют веселой.

«Барщинная» и последующие рассказы вахлаков и крестьян соседних волостей раскрывают весь ужас той многовековой системы эксплуатации и надругательства, которая духовно калечила людей, рождала приниженность и безответность:

В лицо позабывали мы
Друг дружку, в землю гляючи,
Мы потеряли речь.

Даже гнев приниженных рабов выливается подчас в уродливые формы. Психология раба рождает и рабские способы мести. Таков именно смысл знаменитого сказа «Про холопа примерного, Якова Верного», которому Некрасов придавал очень большое значение. В основу новеллы положен действительный случай, сообщенный Некрасову юристом А. Ф. Кони.

В одной из бесед с Кони (летом 1873 года) поэт сказал, что ему для работы над «Кому на Руси...» нужны примеры фактов крепостнического произвола, и Кони рассказал Некрасову в числе других историю «помещика, который зверски обращался со своими крепостными, находя усердного исполнителя своих велений в своем любимом кучере — человеке жестоким и беспощадном. У помещика, ведшего весьма разгульную жизнь, отнялись ноги, и силач-кучер на руках вносил его в коляску и выносил из нее. У сельского Малюты Скуратова был, однако, сын, на котором отец сосредоточил всю нежность и сострадание, не находимые им в себе для других. Этот сын задумал жениться и пришел вместе с предполагаемой невестой просить разрешения на брак. Но последняя, к несчастью, так приглянулась помещику, что он согласия не дал. Молодой парень затосковал и однажды, встретив помещика, упал ему в ноги с мольбою, но, увидя его непреклонность, поднялся на ноги с угрозами. Тогда он был сдан не в зачет в солдаты, и никакие просьбы отца о пощаде не помогли. Последний запил, но недели через две снова оказался на своем посту прощенный барином, который слишком нуждался в его непосредственных услугах.

Вскоре затем барин поехал куда-то к соседям со своим Малютой Скуратовым на козлах. Почти от самого Латкина начинался глубокий и широкий овраг, поросший по краям и на дне густым лесом, между которым вилась заброшенная дорога. На эту дорогу, в овраг, называющийся Чертово городище, внезапно свернул кучер, не обративший никакого внимания на возражения и окрики сидевшего в коляске барина.

Проехав с полверсты, он остановил лошадей в особенно глухом месте оврага, молча, с угрюмым видом, — как рассказывал в первые минуты после пережитого барин, — отпряг их и отогнал ударом кнута, а затем взял в руки вожжи. Почуяв неминуемую расправу, барин в страхе, смешивая просьбы с обещаниями, стал умолять пощадить ему жизнь. — Нет! — отвечал ему кучер, — не бойся, сударь, я не стану тебя убивать, не возьму такого греха на душу, а только так ты нам пришелся, так тяжело с тобой жить стало, что вот я, старый человек, а через тебя душу свою погублю... — И возле самой коляски, на глазах у беспомощного и бесплодно кричавшего в ужасе барина, он влез на дерево и повесился на вожжах». ¹²

Когда Кони прочитал присланный ему через год Некрасовым корректурный лист сказа «О холопе примерном, Якове Верном», он назвал стихи эти потрясающими. Это определение очень отчетливо выявляет разницу между драматичным по фактам, но спокойно-бесстрастным рассказом Кони и новеллой Некрасова, произведением высокого поэтического искусства.

В рассказе Кони одинаково отвратительны и зверь-помещик, и его верный Малюта Скуратов (прозвище-то какое!). Некрасов значительно усилил, сгустил отрицательную характеристику помещика, введя целый ряд дополнительных деталей: «деревнишка» куплена на взятки, «жадный, скупой» Поливанов жесток «даже с родными, не только с крестьянами»:

Дочь повенчав, муженька благоверного
Высек — обоих прогнал нагишом.

Парня в солдаты он отдает не в ответ на угрозы, а лишь для того, чтобы сбыть с рук соперника. И, наконец, ярчайшая характеристика цинизма и жестокости помещика по отношению к крепостным:

В зубы холопа примерного,
Якова Верного
Походя дул каблуком.

Яков у Некрасова, напротив, не жестокий и беспощадный Малюта Скуратов, а лицо страдательное. Это жалкий человек, не только приниженный, но лишенный сознания этой

¹² Кони А. Ф. Некрасов. Достоевский. По личным воспоминаниям. Пг., 1921. С. 21—23.

приниженности, рабски, по-собачьи преданный своему господину:

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа.

Поэт не отказывает Якову в способности самоотверженно и бескорыстно привязаться, прилепиться сердцем к другому. Этот одинокий,¹³ не знавший семьи человек всего себя отдает заботам о барине да племяннике — Грише:

Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, улаживать,
Да племяша-малолетка качать.

Рассказ Кони имеет информационный характер. Некрасов как истинный художник-психолог обогащает повествование картиной внутренней борьбы, колебаний и смятения кроткого Якова, решившегося на месть, нарастания его гнева, ненависти и презрения к барину. Под пером мастера краткое сообщение о том, что на глазах у беспомощного и в ужасе кричащего барина кучер влез на дерево и повесился, развертывается в жуткую эмоционально-психологическую картину: «В саван окутался Чортов овраг», «зги не видать», совы ширяются оземь крылами, горят во тьме «чьи-то два круглые, яркие ока», слетелися на добычу вороны... И в этой ночной тишине висит Яков над бариним, мерно качается... Итог — мучения пробудившейся одичавшей совести («Мечется барин, рыдает, кричит», «Грешен я, грешен! Казните меня!») и вывод рассказчика о правомерности возмездия:

Будешь ты, барин, холопа примерного,
Якова верного,
Помнить до судного дня!¹⁴

¹³ В поэме Гриша не сын, а племянник Якова. Эта деталь подчеркивает не только человеческую одинокость холопа примерного, но и его внутреннюю потребность заботиться о ком-нибудь.

¹⁴ О путях художественной обработки Некрасовым рассказа А. Ф. Кони см. также: Червяковский С. А. Из творческой работы Некрасова над поэмой «Кому на Руси жить хорошо». С. 66; Гин М. От факта к образу и сюжету. С. 104—106. Исследователи указывают, что подобный описанному способ мести в эпоху крепостничества был довольно распространенным. В творчестве Некрасова он нашел отражение в стихотворении «Нравственный человек».

«.....ВИСИТ
Яков над барином, мерно качается,
Мечется барин, рыдает, кричит,
Эхо одно откликается!»

На рассказ о Якове слушатели реагируют по-разному. Большинство темных вахлаков подходят к услышанному с чисто христианской незлобивостью:

«Грехи, грехи! — слышалось
Со всех сторон: — Жаль Якова,
Да жутко и за барина,
Какую принял казнь!»

Лишь некоторые, более сознательные, бросают ироническое: «Жалей!»

Сказ о Якове завязывает спор о виновниках свершающегося зла, «о том, кто всех грешней?». Версия — «разбойники!», высказанная купеческим братом Ереминым, исчерпывается дракой с ним Клима Лавина, разумно рассудившего, что

Разбой — статья особая,
Разбой тут не при чем!

Другое мнение — «кабатчики!» — не находит развития в споре, и в дальнейшем течении крестьянского диспута речь идет о помещиках и мужиках.

Начатый в I части поэмы суд народный над помещиками становится более широким, гласным, мирским, ибо весь собравшийся со всех дорог на «пир» народ задумывается над тем, что заставило странников промерить полцарства. Но прежде, чем предоставить слово богомолу Ионушке для рассказа о разбойнике Кудеяре и пане Глуховском, его берет сам автор и, затормозив разгоревшийся вахлацкий спор, пространно рассказывает о «странниках и богомольцах». Может возникнуть вопрос: какое отношение имеет разговор о «странниках и богомольцах» к тем острым вопросам, которые обсуждаются на крестьянском «пире»-сходке?

Некрасов как вдумчивый исследователь народной жизни стремился учесть все факторы, влияющие на формирование народного сознания. Среди них немаловажная роль принадлежала рассказам, беседам, проповедям всевозможных «божьих людей», богомольцев и странников, проходящих через деревни. Среди этого «бездомного, безродного» странствующего люда, который кормился за счет крестьянского горба, встречались воровки и аферисты, лжецы и подхалимы, карьеристы и развратники, спекулирующие на религиозном чувстве и доверчивости крестьян. Но поэт обращает внимание читателя и на другую, «лицевую» сторону так называемого странничества. «Странники оказываются, по Некрасову, для оседлых

крестьян источником сведений о мире. Своими рассказами они касаются самых сокровенных струн крестьянской души». ¹⁵ (Вспомним, как слушает, в изображении Некрасова, крестьянская семья «быль афонскую!») Среди этого бродячего люда нередко люди высочайшей нравственности, подвижничество которых носит не формальный (юродивый Фомушка), а гуманно-действенный характер (Ефросиньюшка, посадская вдова). К тому же типу «святых», безусловно нравственных людей принадлежит и Иона Ляпушкин, которому автор поручит рассказ о Кудеяре-разбойнике.

Тема «странничества» в поэме Некрасова имеет еще одну сторону. Мы знаем немало исторических примеров, когда недовольство и социальный протест крестьянства выливались в религиозную форму, облекались оболочкой религиозных представлений и верований. В середине прошлого века в среде русского крестьянства (в Ярославской губернии, в частности) были широко распространены всевозможные религиозные секты, в значительной мере — старообрядческие. Религиозный фанатизм проповеди этих сектантов часто сочетался со страстным протестом против притеснений народа властями, с непокорством, неподчинением им, призывом к этому неподчинению. Таков в поэме старообряд (раскольник) Кропильников, ¹⁶ фанатик, упорства которого в обличении власти не в силах сломить никакие репрессии: вся жизнь проповедника-«сомустиителя» — «то воля, то острог».

Проповеди, подобные проповеди Кропильникова, нередко приводили к волнениям крестьян, умиряемым с помощью воинских команд, о чем также рассказывается в поэме:

В Устой, село недалное,
Солдатики прошли.
.....поспопутьности
Досталось и усоловцам...

Автора поэмы интересует, однако, не столько сам Кропильников с его призывом спастись в дремучих лесах, сколько степень нравственной и социальной восприимчивости крестьян-

¹⁵ Розанова Л. А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: Комментарий. Л., 1970. С. 258.

¹⁶ О роли низшего духовенства и сектантов в крестьянском движении периода реформ и реальной основе эпизода с Кропильниковым см.: Архипов В. Познания труда и борьбы: Очерк творчества Н. А. Некрасова. Ярославль, 1961. С. 250—257 и 260—267; Тарасов А. Ф. О местных источниках поэмы // Истоки великой поэмы. Ярославль, 1962. С. 50—54.

ской среды. Не случайно вслед за рассказом о Кропильникове поэт нарисует картину крестьянской семьи, слушающей за-хожего странника, картину, переходящую в пламенный ли-рический монолог автора, полный веры в великое будущее русского народа. Поэт уверен, что

.....ни работою,
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь.

Он верит в то, что «душа народа русского» восприимчива и богата живыми соками. Она, как возделанная добрая почва, ждет своего сеятеля, чтобы заброшенные зерна великих идей дали свой урожай. «О, сеятель! приди!» — восклицает автор, фактически выступающий в роли такого сеятеля.¹⁷ На доб-рую почву народного сознания и должна пасть легенда, «древ-няя быль» «О двух великих грешниках», вложенная в уста Ионы Ляпушкина.

Очень сложный и многозначный сказ Ионы «О двух вели-ких грешниках» сюжетно мотивирован возникшим между вахлаками спором о том, «Кто всех грешней? Кто всех свя-тей?».

Кудеяр, о котором повествует «быль», самый страшный грешник: «зверь-человек», «лютый разбойник», много про-ливший «крови честных христиан», совершивший несчетное число злодеяний. Кажется, что нет средства искупить эти страшные грехи. Не помогают молитвы, покаяния и путеше-ствие к гробу Господню:

Странствует, молится, кается,
Легче ему не стает.

¹⁷ В лирическом отступлении главы «Странники и богомольцы» исследова-тель (*Гин М.* От факта к образу и сюжету. С. 3—12) видит скрытый революци-онный подтекст. По его мнению, слова:

Стучись же, гость неведомый!
Кто б ни был ты, уверенно
В калитку деревенскую
Стучись!..

обращены к революционной молодежи, идущей «в народ»; в связи с ее деятель-ностью Некрасов говорит о восприимчивости народной души.

Невозможность освободиться от «цепей греха» подчеркивается практической невыполнимостью наложенной на грешника «неким угодником» эпитимьи: чтобы получить прощение грехов, хилый старец «тем же ножом, что разбойничал», должен срезать дуб-страшилище в три обхвата кругом. А

Что с великаном поделает
Хилый, больной человек?

Тем неожиданнее резкий сюжетный поворот. Средством очищения от грехов в этой легенде, рассказанной «смирненным богомолем» и праведником Ионушкой и услышанной им от инока, отца Питирима, оказывается не религиозное покаяние, а активная борьба со злом. Слушая хвастливый рассказ пана Глуховского,

Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне,

о том, как он, не дрогнув душой, губит, «мучит, пытается и вешает» своих холопов, Кудеяр

Бешеный гнев ощутил,
Бросяся к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!

Пан (=помещик) Глуховский, в образе которого персонафицированы все самые страшные, многовековые пороки помещиков крепостнической эпохи,¹⁸ оказывается с точки зрения Божьего суда, т. е. высшей нравственной справедливости, ббльшим грешником, чем разбойник Кудеяр, а расправа с ним дает искупление всех грехов: «...Свалилося с инока бремя грехов».

Итак, «древняя быль» должна решить вопрос спора: грешней всех оказываются помещики («Велик дворянский грех!»), а святей всех — мститель за народные страдания. Мысль о святости дела борьбы с насильниками и угнетателями утверждается и особенностями личности рассказчика, и церковно-религиозным колоритом повествования.

¹⁸ Л. А. Розанова в своем комментарии (с. 265) приводит ряд фактов крепостнического произвола, дающих представление о жизненной основе некрасовской символики. Не лишено вероятности предположение М. Л. Нольмана (Рус. лит. 1971. № 2), что фамилия Глуховский подсказана Некрасову реальностью: в одном из приложений к «Колоколу» Герцена рассказывалось о зверствах смоленского помещика Глуховского.

Сказу «О двух великих грешниках» автор придал подчеркнуто обобщенно-символический характер. Это не конкретно-реалистическая картина расправы с деспотом-помещиком и не призыв к ней,¹⁹ а легенда, притча, поучение, смысл которого состоит в утверждении, что спасение нужно искать не на путях христианского смирения и подвижничества, а на путях активной борьбы со злом.²⁰ Все образы этой легенды символически окрашены. Символически окрашен образ Глуховского, воплощающий в себе самые страшные пороки и преступления владельцев крепостных душ. Как символ русского народа, отягощенного грехами векового рабства и ищущего путей для своего спасения, воспринимается образ Кудеяра. Символически окрашен и образ векового дуба, олицетворяющего препятствия на пути к этому спасению, силы гнета, порабощения. Месть Кудеяра — символическая картина народной победы над силами деспотизма.

Идея сказа о Кудеяре служит в поэме делу формирования социального сознания крестьянства, но она не навязана автором извне, а извлечена им из недр этого народного сознания. Исследователями²¹ давно установлено, что сказ «О двух великих грешниках» имеет фольклорную основу. Он представляет собой контаминацию двух фольклорных сюжетов.

В народном творчестве широко распространены сказки-легенды о великом грешнике, получающем прощение грехов через убийство еще большего преступника (в некоторых фольклорных вариантах это барский управляющий-садист; в некрасовской поэме вместо управляющего фигурирует пан), а также о благородном разбойнике Кудеяре — грозе богачей и заступнике бедняков. Автор «Кому на Руси...» соединил два этих фольклорных сюжета. Благодаря тому что в новелле Некрасова раскаявшемуся грешнику придано имя Кудеяра, она обрела дополнительный бунтарский подтекст.

¹⁹ В свое время легенда «О двух великих грешниках» была неверно истолкована в революционно-народнических кругах как призыв к царубийству. См.: *Ольминский М.* По литературным вопросам. М., 1932. С. 80.

²⁰ В исследовании М. Гина (*Гим М.* Спор о великом грешнике. Некрасовская легенда «О двух великих грешниках» и ее истоки // *Русский фольклор: Материалы и исследования.* М.; Л., 1962. Т. 7. С. 84—97) утверждается, что некрасовская легенда возникла в полемике с идеями Достоевского, его пониманием сущности русского народного характера.

²¹ *Андреев Н. П.* Легенда о двух великих грешниках // *Изв. ЛГПИ им. А. И. Герцена.* Л., 1928. Вып. 1; *Гим М. М.* Спор о великом грешнике... При изложении вопроса использованы основные положения статьи М. Гина.

Никто из слушавших Иону крестьян не высказывает со-
страдания к помещику-извергу. Крестьяне потрясенно мол-
чат, будучи едины во мнении: «Велик дворянский грех!» Лишь
купеческий брат Еремин взбешен и напуган грозным смыс-
лом сказа о Кудеяре. Казалось бы, предмет спора исчерпан,
виновники зла обнаружены, идея справедливого возмездия
утверждена. Но вслед за Ионушкой Игнатий Прохоров рас-
сказывает легенду-новеллу «Крестьянский грех»,²² и обсуж-
дение проблемы приобретает новое направление, новый смысл.

И старое, и новое. Как и в других главах поэмы, Некрасов
дает здесь народную жизнь в двух планах, в двух срезах.
Первый — по линии экономически-бытового и социально-
правового положения современной ему русской деревни. И об-
наруживается, что в этом ракурсе между «старым» временем
крепостничества и «новым» временем нет принципиальной
разницы.

Спугнул рассказ о Глебе-старосте призрачную крестьян-
скую радость, и сразу стало ясно незащитное положение вах-
лаков в том мире, где

Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна...

Освобожденные крестьяне остались, как и прежде, «До сыта
не едавшими, / Несолоно хлебавшими», с той только разли-
цей, что их «вместо барина / Драть будет волостной». «Засу-
ха долгая» таит в себе угрозу голода, об ужасах которого так,
что «дрожь по волосу!», рассказывает песня «Голодная». Хищ-
ники «нового» времени расставляют в «новой» деревне мужи-
ку новые «сети»:

...Прасол-выжига
Урезать цену хвалится
На их добычу трудную...

Ничего не приносит народу, кроме новых бедствий, и разви-
тие техники в пореформенную эпоху: с горечью говорят крес-
тьяне о «чугунке», которая «кусаться начала» в связи с повы-

²² Сказ «Крестьянский грех» также имеет народно-поэтическую основу. «Ана-
логичные рассказы о „воле“, преданной тем или иным лицом, об уничтоженных
завещаниях — „вольных“ и т. п. были широко распространены», — утверждает
фольклорист Н. П. Андреев (*Андреев Н. П. Фольклор в поэзии Некрасова //*
Лит. учеба. 1936. № 7).

«Стоит мужик —
Колышется,
Идет мужик —
Не дышится!»

пением проездного тарифа. Всем содержанием главы «Пир...» Некрасов показывает живучесть и цепкость старого.

Другой срез народной жизни — так сказать, идеологический, обнаруживающий состояние пластов народного сознания. Здесь-то для Некрасова и сказывается новое, хотя порой оно с трудом прорезается через толщу веками привитых представлений и понятий.

Новое в главе «Пир...» проявляется прежде всего в росте сплоченности, социальной солидарности крестьянства, которая сквозит и в драке Лавина с прасолом Ереминым, и в единодушном осуждении «дворянского греха», и в отношении мужиков к «Иудиному греху» предательства.

Сказы «О двух великих грешниках» и «Крестьянский грех» внутренне связаны. Один зовет к борьбе с угнетателями, другой указывает на возможность неожиданных помех в этой святой борьбе: предал корысти ради, обрек на муки рабства Глеб-староста «восемь тысяч душ» своих братьев-мужиков. «Грозовым, грозным голосом» повествует Игнатий Прохоров об этом, самом страшном грехе предательства:

Все прощает бог, а Иудин грех
Не прощается...

Поэт активно утверждает в народном сознании мысль, что не одолеть «дворянского греха», не свалить «древа громадного» векового гнета, если будут в народной среде предатели, Глебы-старосты и терпимое отношение к ним.

Крестьяне-вахлаки потрясены рассказом Игнатия Прохорова. «Великий грех! Великий грех!», «И впрямь: нам вечно маяться...» — твердят они, вздыхая. В этих вздохах и причитаниях — инерция воспитанных веками фаталистического смирения и покорности. Но Некрасов, который достаточно «познакомился и породнился» с русским крестьянином, как бы говорит: «Не судите „по внешности факта“, не спешите делать безнадежные выводы о русском мужике! Его фаталистические сентенции часто декларативны и обманчивы. Дойдет до дела — и не будет места ахам и вздохам...» «Новое», т. е. крепнущее чувство социальной солидарности, истинная и действенная реакция вахлаков на факты предательства народных интересов, наглядно раскрывается в сцене расправы их с Егоркой Шутовым, шпионом, «гнусь-человеком», которого через четырнадцать деревень «прогнали, как сквозь строй».

Новое, с точки зрения Некрасова, проявляется и в том, что сама народная среда рождает людей, способных помочь становлению самосознания крестьянства. Именно таков Григорий Добросклонов, который разъясняет вахлакам,

Что не они ответчики
За Глеба окаянного,

что «всему виною — крепь», что именно крепь (крепостное право)

...грехи помещика,
Грех Якова-несчастливого,
Грех Глеба родила!..

Само появление Гриши как действующего лица служит в общей концепции главы «Пир...» залогом нарастания и грядущей победы новых начал. Заключительная глава поэмы «Доброе время — добрые песни»²³ связана полностью с его образом. Народ расходится по домам. Доброе время в его жизни еще не наступило, веселых песен он еще не поет,

Еще конец страданию
Народному далек,
Еще далеко солнышко (III, 565),

но предчувствие этого освобождения пронизывает главу, придавая ей бодрый, радостный тон. Не случайно действие разворачивается на фоне утреннего пейзажа, картины восхода солнца над простором волжских лугов.

В корректуре «Пира...», подаренной Некрасовым А. Ф. Кони, заключительная глава имела заголовок: «Эпилог. Гриша Добросклонов».²⁴ Очень важно, что финал последней главы сюжетно незавершенной поэмы Некрасов рассматривал как эпилог, как логическое завершение ее основных идейно-смысловых линий, притом возможность этого завершения связывал с фигурой Григория Добросклонова.

Вводя в финальную главу поэмы образ юноши Гриши Добросклонова, автор давал выношенный размышлениями и опытом всей жизни ответ на вопрос, во имя чего должен жить человек и в чем состоит его высшее назначение и счастье. Тем самым получила завершенность этическая проблематика «Кому на Руси...».

²³ Позволим себе сохранить этот подзаголовок, поскольку он принадлежит, как мы помним, самому Некрасову.

²⁴ В т. V пятнадцатитомного академического издания Поли. собр. соч. и писем этот заголовок введен.

В предсмертном лирическом цикле «Последние песни», который создавался одновременно с главой «Пир...», Некрасов высказывает непоколебимое убеждение, что высшим содержанием человеческой жизни является альтруистическое служение «великим целям века»:

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживает... («Зине». II, 404)

К этому типу людей, всецело отдающих свою жизнь борьбе «за брата человека», по замыслу Некрасова, принадлежит и Гриша Добросклонов. Для него нет большего счастья, чем служение народу:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Он живет во имя того, чтобы землякам его

И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси!

Как и героя стихотворения «Памяти Добролюбова», Некрасов относит Гришу к тому типу «особенных», «отмеченных / Печатью дара божьего» людей, без которых «заглохла б нива жизни». Данное сопоставление не случайно. Общеизвестно, что, создавая образ Добросклонова, Некрасов придал герою отдельные черты сходства с Добролюбовым,²⁵ человеком, умевшим находить счастье в борьбе за «великие цели века». Но, как уже говорилось выше, рисуя нравственно-психологический облик Добросклонова, Некрасов опирался не только на воспоминания о великих шестидесятниках, но и на факты, которые давала ему практика революционно-народнического движения 70-х годов. В задуманном художественном образе юноши Григория Добросклонова поэт и хотел воплотить особенности духовного облика революционной молодежи этого времени. Ведь это о них в поэме строки:

Немало Русь уж выслала
Сынов своих, отмеченных

²⁵ Портрет, условия обучения в семинарии, поэтический дар, созвучие фамилий (Добролюбов, Добро-склонов).

Печатью дара божьего,
На честные пути,
Немало их оплакала
(Пока звездой падучею
Пронесятся они).

Это ведь им «судьба» не готовила, а уготовила (как в прошлом Добролюбову и Чернышевскому) «чахотку и Сибирь».

К этим людям, отмеченным «печатью дара божьего», приравнивает Некрасов и Гришу Добросклонова: «Как ни темна вахлачина», но и она

Благословясь, поставила
В Григорье Добросклонове
Такого посланца.

И видимо, на определенном этапе работы над «Эпилогом» Некрасов написал знаменитое четверостишие о будущем героя:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Нельзя забывать и о лирической основе образа Гриши. Борьбу за «долю народа, / Счастье его» Некрасов воспринимал как свое личное, кровное дело. И в годину мучительной болезни, беспощадно казня себя за недостаточное практическое участие в этой борьбе («Песни мне мешали быть борцом...»), поэт, однако, находил опору и утешение в сознании того, что его поэзия, его «кнутом иссеченная Муза» помогает движению к победе. Не случайно и Гришу автор «Кому на Руси...» сделал поэтом. В образ юного героя поэмы он вложил лучшую часть самого себя, в его сердце — свои чувства, в его уста — свои песни.

Эту лирическую слитность авторской личности с образом юноши — поэта особенно хорошо выявляют черновые рукописи главы. Вот, например, фрагмент, который вводит нас в то состояние духовного подъема, находясь в котором Некрасов писал финал поэмы:

Лег спать
Песня новая в полусне слагается
...Средь недуга тяжкого в муках разрушения
Будит удрученного ангел песнопения...
...А зато как сложатся думы в песню стройную,
Посылает бог ему ноченьку спокойную (III, 568).

Естественно, что эти строки, написанные умирающим поэтом о себе, остались в черновиках; естественно, что в окончательном тексте главы автор биографически отделил героя от себя, но внутреннее единство осталось, и, читая «Эпилог», мы подчас уже не различаем, где Гриша, а где автор-повествователь, великий народный поэт Николай Алексеевич Некрасов.

Попробуем отделить Гришу от Некрасова, результат от намерения и, пользуясь только текстом поэмы (включая и черновые варианты), взглядеться, каким же предстает на страницах «Эпилога» поэмы сын дьячка-выпивохи Трифона и труженицы Домны семнадцатилетний семинарист Гриша Добросклонов.

Некрасов говорил, что «своеобразность» его поэтического творчества состоит в «реальности», опоре на факты действительности. И мы помним, что из своих охотничьих поездок в глубинку России поэт привозил немало сюжетов. В 1876 году Некрасов уже не ездил на охоту, не беседовал у костра с окрестными мужиками, но и прикованный к постели, он все-таки стремился «держать связь» с миром, опираться на какие-то реальные факты.

Ю. В. Лебедев считает, что «образ Гриши Добросклонова сформировался в творческом сознании Некрасова не без влияния очерковой литературы конца 1860—начала 1870-х годов», и приводит в пример очерковую зарисовку «Беседы на завалинке», опубликованную в 1867 году в журнале «Мирской вестник».

«Давно ли, кажется, снаряжал наш священник, отец Михаил, своего сына Гришу в школу обучаться грамоте! Ведь был тогда Гриша еще мальчуган, а теперь, поглядите-ка, станет говорить, так и старики даже не прочь послушать его речей! Вот какую пользу приносит школа-то!

Соберутся иной раз крестьяне в праздник или летним вечером у ворот на завалинках посидеть, косточки размять после трудной работы; выйдет побеседовать и Гриша, и начнутся тут разговоры о том, о другом. А Гриша все знает, про все может рассказать, да и расскажет-то он все толково, научит иной раз многому полезному».²⁶

Да, «дождались» «Беседы на завалинке» прикосновения руки поэта. Да, несомненно, эта бытовая сценка перенесена

²⁶ Лебедев Ю. В. Комментарии к поэме «Кому на Руси жить хорошо» (дополнения) // Некрасовский сборник, IX. 1988. С. 125.

Некрасовым в поэму, даже имя Гриша пришло из нее. Получилась живая сценка (конечно, более социально заостренная), но «Беседы на завалинке» были слишком малой точкой опоры на «реальность» для создания задуманного Некрасовым образа.

Но вернемся к тексту поэмы, к строкам, рассказывающим о Грише Добросклонове.

Гриша, младший сын «батрачки безответной» Домны, кровно, рождением и жизнью связан с вахлачиной, он ею вскормлен и взлелеян: не видеть бы Грише свету белого,

Не будь рука вахлацкая
Щедра, чем бог послал.

И он, и Савва,

Простые парни, добрые,
Косили, жали, сеяли
И пили водку в праздники
С крестьянством наравне.

А в семинарии-то было «темно, холодно, строго, голодно», тужил мальчик о матушке

И обо всей вахлачине,
Кормилице своей.
И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлачине
Слилась...

Сцена, когда Гриша (на пользу ученье-то!) разъясняет односельчанам, что причиной всех ужасов и бед прошлого является «крепь», а мужики слушают его со вниманием, говорит об их взаимной близости, а на слова благодарности Гриша отвечает:

«Не надо мне ни серебра,
Ни золота, а дай господь,
Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси!»

А автор сообщает, что

...лет пятнадцати (!)
Григорий твердо знал уже,
Что будет жить для счастья
Убогого и темного
Родного уголка.

Другой вариант:

...Кому отдаст всю жизнь свою
И за кого умрет —

слабый отголосок вычеркнутого четверостишия про чахотку и Сибирь.

Хочется предпочесть первый, более поздний вариант, так как размышление о смерти не характерно для пятнадцатилетнего возраста.

Побеседовав с вахлаками, Гриша на весь остаток ночи уходит «в поля, в луга» и, будучи в приподнятом состоянии души, сочиняет стихи и песни. Вот увидел идущего бурлака и сочинил стихотворение «Бурлак», в котором от души желает этому труженику, возвращающемуся домой: «Дай бог дойти и отдохнуть!» Сложнее с «песней» «В минуты унынья, о родина-мать!», представляющей пространное размышление об исторических судьбах России с древних времен до современности, написанное в традициях гражданской лирики некрасовской поры и вполне бы закономерно прозвучавшее в сборнике стихов Некрасова. Но с образом выросшего в селе Большие Вахлаки семнадцатилетнего Гриши никак не вяжется архаизированная гражданская лексика стиха («сопутница дней славянина», «русская дева», «влекут на позор»). И если Н. А. Некрасов в итоге своего жизненного и творческого пути пришел к выводу, что

Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином,

то вскормленный темной вахлячиной Гриша Добросклонов этого никак не мог знать.

А ключевой для понимания сущности образа Гриши является песня, которую братья-семинаристы Гриша и Савва поют, уходя с вахлацкого «пира»:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!
Мы же немного
Просим у бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!
Жизнь трудовая —
Другу прямая

«Григорий шел задумчиво...»

К сердцу дорога,
Прочь от порога
Трус и лентяй!
То ли не рай?

О каком же «честном деле» молятся Богу юные семинаристы? Слово «дело» в те времена имело и революционный подтекст. Так что же, Гриша (и Савва тоже) рвется в ряды революционных борцов? Но ведь здесь слово «дело» поставлено рядом со словами «жизнь трудовая». А может быть, Гриша, который в будущем «порывается» в Москву, «в новорситет», мечтает стать «сеятелем знания на ниву народную», «сеять разумное, доброе, вечное» и просит у Бога помощи в этом честном и трудном деле? Что больше ассоциируется с мечтой Гриши о «честном деле», карающий меч «демона ярости» или призывная песня «ангела милосердия»?

В связи с возникшими вопросами целесообразно вспомнить один любопытный документ, опубликованный еще в 1914 году В. Е. Евгеньевым-Максимовым. 19 мая 1876 года Некрасов получил письмо от сельской учительницы Малоземовой. Взволнованная тем, как окончит Некрасов поэму («Пир...» еще не был опубликован) и верит ли он в существование счастливых людей, Малоземова заявляла, что она «есть вполне счастливый человек». Она стара, некрасива и бедна, но очень счастлива. Счастье свое она видит в самоотверженном труде на просвещение и благо народа.

В апреле 1877 года Некрасов ответил ей письмом, в котором писал: «Счастье, о котором Вы говорите, составило бы предмет продолжения моей поэмы. Ей не суждено окончиться» (XI, 413).

Между получением письма Малоземовой и ответом ей прошел почти год. Почему Некрасов не ответил сразу? Думается, потому, что в мае 1876-го у него была надежда напечатать «Пир...» и текстом последней главы, отсылкой к образу Гриши Добросклонова ответить на заданный вопрос. Но в ноябре «Пир...» не был пропущен цензурой.

В продолжение последующих месяцев Некрасов, несмотря на трудности с опубликованием, продолжал работать над текстом «Пира...». А. И. Груздев, в процессе подготовки 5-го тома академического издания Некрасова тщательно изучавший рукописи и все материалы, связанные с «Пиром...», пришел к выводу, что, рисуя образ Гриши, Некрасов все более освобождал его от ореола революционности и жертвен-

ности: вычеркнуто четверостишие про чахотку и Сибирь, вместо «Кому отдаст всю жизнь свою / И за кого умрет» появилась строка «Что будет жить для счастья...»²⁷

Так что «честное дело», которому мечтает посвятить свою жизнь Григорий Добросклонов, все более становится синонимом «самоотверженного труда на просвещение и благо народа». Потому-то в апреле 1877 года Некрасов и ответил Малоземовой: «Счастье, о котором Вы говорите, составило бы продолжение моей поэмы...» Видимо, Некрасов имел в виду чисто этический смысл проблемы: счастлив тот, кто живет для блага других людей. В этом плане Гриша Добросклонов и учительница Малоземова — люди одного типа, с той только разницей, что она всю жизнь отдала делу, которому мечтает посвятить себя Гриша.

Итак, счастливый человек в поэме изображен, хотя мужикам-правдоискателям не дано этого знать. Гриша счастлив, счастлив мечтой, что он своей жизнью и трудом внесет хоть какой-то вклад в дело «воплощения счастья народного».

Думается, что текст главы не дает достаточных оснований для того, чтобы трактовать образ Гриши Добросклонова как образ юноши-революционера, что в некрасоведении стало почти тривиальным. Но дело, видимо, в том, что в сознании читателя этот образ как-то двоится, ибо существует некий зазор между персонажем Гришей — парнем из деревни «Большие Вахлаки» (юным семинаристом с поэтической душой и чутким сердцем) и несколькими авторскими декларациями, в которых он приравнивается к категории «особенных людей», отмеченных «печатью дара божьего», людей, которые «звездой падучею» проносятся на горизонте русской жизни.

Эти декларации, видимо, идут от первоначального намерения поэта нарисовать образ революционера, вышедшего из недр народных, намерения, от которого Некрасов постепенно отходил.

Так или иначе, но образ Гриши Добросклонова как-то выпадает своей контурностью и бесплотностью из образной системы эпопеи, где каждая, даже вскользь мелькнувшая фигура зрима и осязаема. Эпическую недорисованность образа Гриши нельзя объяснить ссылкой на свирепость цензуры.

²⁷ Грудев А. И. О тексте «Пира на весь мир» // Н. А. Некрасов и русская литература второй половины XIX—начала XX веков: Межвуз. сб. науч. тр. Ярославль, 1982. Вып. 64. С. 135—147.

Есть непреложные законы реалистического творчества, от которых не мог быть свободен даже Некрасов. Он, как мы помним, придавал большое значение образу Добросклонова, но при работе над ним поэту не хватало «реальности», непосредственных жизненных впечатлений для художественной реализации задуманного. Как семи мужикам не дано знать о счастье Гриши, так и Некрасову не дано было действительностью 70-х годов «строительного материала» для создания полноценного реалистического образа «заступника народного», вышедшего из глубин народного моря.

«Эпилог. Гриша Добросклонов», — написал Некрасов.

И хотя «Эпилог» Некрасов связывал с Гришей, позволим себе, отделив Некрасова от Гриши, эпилог, ИТОГ всей эпопеи «Кому на Руси...» связать с голосом самого поэта, сказавшего последнее слово своим современникам. Как будто странно, что у эпической поэмы — лирический финал, две исповедальные песни умирающего поэта: «Средь мира дольного...» и «Русь». Но этими песнями Некрасов САМ, не скрываясь за созданными его пером героями, стремится дать ответ на два, пронизывающие поэму от начала до конца вопроса: о понимании счастья человеческой личностью и о путях к народному счастью.

Песня «Средь мира дольного...» — итог многолетних размышлений Некрасова о смысле жизни, об истинных и ложных путях человека в ней. С точки зрения поэта, для человека есть два единственно возможных, диаметрально противоположных пути. Один путь — путь стяжания материальных благ. По нему, одержимая рабскими страстями,

.....громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.

На этом пути постоянно кипит «бесчеловеческая Вражда-война» «за блага бранные». «На вид блестящая» здесь жизнь оказывается жизнью формальной, «мертвящей» все человеческое в людях. Истинно достойная Человека жизнь ждет его только на другом пути — тернистом пути борьбы «за обойденного, за угнетенного». Некрасов не только противопоставляет два противоположных жизненных пути, не только разоблачает представления о счастье как о «привольной и праздной» жизни, но со всей страстью призывает молодежь идти «на бой, на труд» за «долю народа, счастье его». Лишь в этой

борьбе за справедливое дело может она обрести высшее моральное удовлетворение. Лишь высокогражданское, а не потребительское отношение к жизни может дать человеку ощущение счастья. Думается, что обращенный к демократической интеллигенции призыв Некрасова сыграл свою роль в формировании ее гражданского сознания.

Песня «Русь» (совершенно неправоммерно вложенная Некрасовым в уста Гриши), безусловно, связана с вопросом о дороженьке к «Избыткову селу». Песня «Русь» — итог всего, что нарисовано в эпосе, что исследовал и о чем размышлял поэт в течение сорока лет. Лирический текст песни «подперт» тысячами картин народной жизни во всех ее проявлениях, во всей убогости и богатстве, могуществе и бессилии.

Тема будущего Родины, тема народного счастья — сквозная тема творчества Некрасова. Даже умирая, поэт мечтал:

Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою...

(«Баюшки-баю», 1877)

Эта мечта всегда сопровождалась верой в народ («Мечты, я верую в народ...» — «Горе старого Наума». 1874), в его неисчерпаемые силы:

Воля и труд человека
Дивные дива творят...

(Поэма «Дедушка», 1870)

Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.

(«Железная дорога», 1864)

И в период работы над «Пиром...» в лирике возникал тот же вопрос: «Где же ты тайна довольства народного? («Как празднуют трусу»).

В поэме «Кому на Руси...» мужики-правдоискатели задумываются над вопросом: «которая дороженька» ведет к Избыткову селу? Песня «Русь» — как бы итог всех этих размышлений поэта.

Для многих русских писателей Русь была загадкой. «Русь! Куда же несешься ты? Дай ответ! Не дает ответа...» — восхищенно и горестно восклицал Гоголь, не сумевший понять исторических судеб русского народа и лишь смутно прозревавший великое предназначение России. Тургенев в своих «Стихотворениях в прозе» изобразил Русь в виде Сфинкса, с пол-

ным неразрешимой тайны взглядом. «Загадочной» называет в поэме Русь и Некрасов. В течение своего сорокалетнего творческого пути поэт стремился проникнуть в сущность этого загадочного русского народа, могучего богатыря, безнадежно разводящего руками, смело расправляющегося с врагами и бессильно восклицающего: «Никто как бог!» Эта загадка противоречивого социального и психологического облика русского крестьянства все более прояснялась для Некрасова. Поэт сумел, не впадая в неверие, увидеть теневые стороны народного сознания и быта и, не впадая в идеализацию, высказать восхищение его силой.

В песне «Русь», песне размышления, анализа и веры, Некрасов дал гениальное в своей краткости определение кричащих противоречий современной ему мужицкой Руси:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь!

Убогость, бессилие Руси — в нищете, забитости масс, в излишнем долготерпении крестьянства:

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!

Сила и могущество Руси состоят в живом стремлении народа к свободе («В рабстве спасенное / Сердце свободное»), в высокой правде его жизни и красоте нравственного облика

(Совесть спокойная,
Правда живучая!..
...Золото, золото
Сердце народное!..).

А какая же «дороженька» ведет к Избыткову селу?

Поэт верил, что в народе — залог спасения России. В черновиках «Пира...» сохранились замечательные слова, в которых народ сравнивается с Ильей Муромцем, и утверждается, что

Издравле Русь спасалася
Народными порывами.

И внешняя инертность, и молчание мужицкой Руси не должны обманывать «друзей народа». Пробуждается народная Русь (о чем и затеяна эпопея «Кому на Руси...»),

Загорелась в ней
Искра сокрытая,

и этой всеильной при всей своей забитости Руси поэт крестьянской демократии Некрасов пророчит победу:

Рать подымается —
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

«Русь» — песня незыблемой веры в великое будущее Родины — идейная вершина эпопеи «Кому на Руси жить хорошо» и последнее слово ее автора к своему народу.